

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.11>

UDC 327(349)
LBC 66.4

Submitted: 24.11.2022
Accepted: 14.04.2023

CONTEMPORARY HUNGARY'S FOREIGN POLICY EVOLUTION

Ilya N. Tarasov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The foreign policy of modern Hungary has passed through several stages of development since the fall of socialism. The purpose of this article is to clarify the qualitative characteristics of the points of evolution that have determined the content of Hungarian foreign policy. Today, it is not enough to define the image of Hungarian foreign policy solely in terms of pan-European or North Atlantic solidarity. A more careful and thoughtful study of the dynamics of the foreign policy doctrine of Budapest is required. *Methods and Materials.* Our main task is to clarify the periodization of the process of Hungary's foreign policy development. The proposed periodization is carried out in a complex manner, based on several reasons and correlating their influence on each of the allocated time periods. The information array was composed of news for April 2010 – August 2022, based on a digest of news from Hungarian news agencies. *Analysis.* The author identifies five main periods in the development of Hungary's foreign policy: the transitional period; the imperative period; the period of Euro-Atlantic romanticism; the period of seeking regional balance; and the period of Euroscepticism and Easternization. Each of these periods is characterized by an assessment of the conceptual content of international politics, the continuity of the foreign policy course, and the change in emphasis of the current policy. *Results.* Obviously, the current period of development is nearing its end, and in the medium term, Hungarian foreign policy itself will take the form of several relatively balanced concentric circles in the process of forming a polycentric world. At the same time, the European and American orientations will continue to be of paramount importance for Hungary. The growing inertia of the decline in the intensity of Russian-Hungarian relations seems to be the main characteristic of the interaction between the two countries.

Key words: Hungary, policy of openness to the East, political pragmatism, foreign economic cooperation, Russian-Hungarian relations, crisis in the system of international relations.

Citation. Tarasov I.N. Contemporary Hungary's Foreign Policy Evolution. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 115-127. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.11>

УДК 327(349)
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 24.11.2022
Дата принятия статьи: 14.04.2023

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГРИИ

Илья Николаевич Тарасов

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Внешняя политика современной Венгрии со времени падения социализма пережила несколько этапов своего развития. Целью настоящей статьи является уяснение качественных характеристик эволюционных точек, предопределивших содержание венгерской внешней политики. Сегодня недостаточно определить образ внешней политики Венгрии исключительно в терминах общеевропейской или североатлантической солидарности. Требуется более внимательное и вдумчивое изучение динамики внешнеполитической доктрины официального Будапешта. *Методы и материалы.* Нашей существенной задачей является уточнение периодизации процесса внешнеполитического развития Венгрии. Предлагаемая периодизация выполнена комплексно, базируясь на нескольких основаниях в соотношении их влияния на каждом из выделяемых временных отрезков. Информационный массив составили сообщения за апрель 2010 – август

2022 г. на основе дайджеста сообщений венгерских информационных агентств. *Анализ.* Автор выделяет пять основных периодов эволюции внешней политики Венгрии: переходный; императивный; период евроатлантического романтизма; период поиска регионального равновесия; период евроскептицизма и истернизации. Каждый из этих периодов охарактеризован через оценку концептуального содержания международной политики, преемственности внешнеполитического курса и смены акцентов текущей политики. *Результаты.* Очевидно, что нынешний эволюционный период близок к исчерпанию своего содержания, а сама внешняя политика Венгрии в среднесрочной перспективе приобретет вид нескольких относительно сбалансированных концентрических кругов в процессе формирования полицентричного мира. При этом по-прежнему европейское и американское направления будут иметь для Венгрии первостепенное значение. Нарастающее инерционное снижение интенсивности российско-венгерских отношений в среднесрочной перспективе представляется основной характеристикой взаимодействия двух стран.

Ключевые слова: Венгрия, политика открытости на Восток, политический прагматизм, внешнеэкономическое сотрудничество, российско-венгерские отношения, кризис системы международных отношений.

Цитирование. Тарасов И. Н. Эволюционный путь внешней политики современной Венгрии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 115–127. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.11>

Введение. Венгрия сегодня – одна из немногих стран Старого Света, которая стремится поддерживать прагматичные отношения с Российской Федерацией в условиях существенной геополитической турбулентности. Будучи государством – членом Европейского Союза (ЕС) и Североатлантического альянса (НАТО) Венгрия занимает специфическое положение в системе международных отношений, которая переживает глубокий кризис. Внешнеполитический курс официального Будапешта на протяжении более 30 лет с момента изменения политической системы в 1989–1990 гг., роспуска Организации Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи и вывода советских войск в 1991 г. пережил вполне осязаемые эволюционные перемены, приобрел необходимую для поступательного развития страны устойчивость. Целью настоящей статьи является уяснение качественных характеристик эволюционных точек, предопределивших содержание венгерской внешней политики. Нашей существенной задачей является уточнение периодизации процесса внешнеполитического развития Венгрии. Особенно нас интересует нынешний период. Отдельной задачей представляется оценка нынешнего состояния и перспектив российско-венгерских отношений. Кроме того, мы выдвигаем некоторые предположения о путях дальнейшей международно-политической эволюции Венгрии.

Методы и материалы. Метод периодизации применен для решения задачи определения ключевых точек эволюционного раз-

вития внешней политики Венгрии. Периодизация выполнена комплексно, базируясь на нескольких основаниях в соотношении их влияния на каждом из выделяемых временных отрезков, различных по продолжительности и демонстрирующих относительно устойчивые качественные характеристики.

Источники сообщений о значимых событиях международной политики Венгрии – публикации Венгерского телеграфного агентства (МТИ) и официального издания «Hungary Today», принадлежащего фонду «Друзья Венгрии» – негосударственной организации, содействующей информированию о социальной, культурной, экономической и политической жизни страны. Информационный массив составили сообщения за апрель 2010 – август 2022 г., отобранные целенаправленно по лексемам, составляющим ключевые слова этой статьи. Хронологические ограничения обусловлены исследовательским фокусом внимания на положение дел в пределах текущего периода эволюции венгерской внешней политики в рамках периодизации, предложенной автором. К сформированному информационному массиву применены средства инвентаризации для уяснения событийной стороны формирования внешнеполитической повестки Венгрии.

Анализ. Вполне понятными основаниями для периодизации внешнеполитического развития той или иной страны на обозримом историческом отрезке в пределах функционирования одной относительно неизменной политической системы выступает смена правя-

шей партии (группы) или главы внешнеполитического ведомства, который оказывается способным изложить более или менее конструктивное видение перспектив международной ситуации на несколько лет вперед. Не отвергая такое основание, все-таки попытаемся найти иные содержательные критерии.

Скажем, по основанию завершенности евроатлантической интеграции можно выделить: предварительный период (1990–1994), когда ориентация на евроинтеграционные структуры была декларацией и образом желаемого будущего; период продвижения (1994–2004) – от приобретения кандидатского статуса к полноправному членству в НАТО и ЕС; период институционального освоения (2004–2011), когда одной из важнейших задач венгерской внешней политики было обеспечение возможностей развития страны внутри интеграционного объединения; наконец, период нарастания противоречий (с 2011). Такая периодизация имеет логику и изъяны. Очевидно, что практические задачи венгерской внешней политики на треках интеграции в ЕС и присоединения к НАТО содержательно были различными, отличаются эти процессы и по своей динамике. По всей видимости, периодизацию политики Венгрии относительно НАТО и ЕС следует отделить друг от друга, хотя, безусловно, существуют факторы взаимобуславливающие характер отношений Будапешта с этими международными организациями разных типов.

Еще более уязвимой и плоской оказывается позиционная периодизация по расположению и интенсивности отношений с основными центрами мировой политики, прежде всего с США, затем с ЕС, Россией и, наконец, Китаем. Статистические замеры показывают, что в таких координатах расположение Венгрии будет на всем более чем 30-летнем отрезке времени приближено к ЕС и США с незначительными ежегодными колебаниями, более заметными в 1998–1999 гг. в сторону США, а в 1990–1995 и 2003–2005 гг. в сторону ЕС. Россия и Китай покажут еле заметные сближения лишь после 2010 года [29]. Это не дает почти ничего, кроме справедливого и без подобноного замера утверждения, что американское и европейское направления внешней политики Венгрии являются наиболее значимы-

ми и, по всей видимости, останутся таковыми как минимум в среднесрочной перспективе.

Как представляется, более продуктивной в плане достижения исследовательских задач может быть периодизация, связанная одновременно с тремя основаниями: а) концептуальное содержание международной политики; б) преемственность внешнеполитического курса; в) смена акцентов текущей политики в зависимости от идейных установок разных правительств.

Прежде всего, с нашей точки зрения, важным, хотя и небесспорным хронологически, является выделение *переходного* периода (1988–1990 гг.), связанного с деятельностью правительства Миклоша Немета и министра Дьюлы Хорна (1989–1990 гг.). В этот период только начала складываться посткоммунистическая политическая система Венгрии и ее внешняя политика, хотя и приобретала новые черты, все же обладала значительной инерцией. В этот период на внешнем контуре перед страной стояли задачи обеспечения внешнеэкономической деятельности в условиях существенных изменений во всей Центральной и Восточной Европе. Изменения внутри правящей партии, даже будучи подготовленными элитными группами, происходили для внешнего наблюдателя стремительно. Соответственно, прежние внешнеполитические ориентиры утрачивали свою значимость, а новые выглядели не вполне четко, за исключением метафоры «возвращения в Европу». Спорность хронологии этого периода усматривается в том, что формально социалистическое государство в Венгрии существовало до 1989 г., а сам переходный период в политической сфере (не говоря уже об экономической) точно не завершился в 1990 году.

После учредительных выборов в Государственное собрание (1990 г.) было сформировано некоммунистическое правительство, перед которым, с одной стороны, стояли трудные задачи оперативного характера – завершение членства страны в Организации Варшавского договора (ОВД) и Совете экономической взаимопомощи (СЭВ), вывод советских войск, с другой – не менее сложные задачи выработки концептуальной основы будущей внешней политики подлинно суверенной Венгрии. Этот период (1990–1994 гг.) можно

с определенной долей условности назвать *императивным*. Во-первых, в это время образ венгерской внешней политики был почти полностью подчинен антисоветским установкам, господствовавшим внутри страны. Во-вторых, именно тогда были выработаны приоритетные направления внешней политики Венгрии, не утратившие своей актуальности до сей поры. Председатель правительства Йожеф Анталл (в 1990–1993 гг.) предложил три императива внешней политики: евроатлантическая интеграция; добрососедская политика, обеспечивающая стабильность в регионе; национальная политика, включающая поддержку венгров, живущих за пределами этнической родины [1; 6, с. 68]. Проводником курса Анталла стал министр Геза Йесенски (в 1990–1994 гг.). Относительному успеху такой концептуализации внешней политики Венгрии, как представляется, способствовали несколько обстоятельств. Во-первых, наличие глубоких дипломатических традиций. Во-вторых, сохранение интеллектуального потенциала дипломатии. Этому способствовало в том числе быстрое переформатирование партийной системы, когда по разным политическим группам разошлись в основном члены и функционеры одной партии – Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) [27]. Безусловно, ВСРП не являлась единственным источником квалифицированных кадров венгерской дипломатии. Свой вклад в формирование кадрового потенциала внесли оппозиционные группы, образовательные учреждения, интеллектуальная среда, включая венгерское зарубежье. В-третьих, сохранялась определенная поколенческая преемственность, политические расколы не дошли до состояния «венгерско-венгерской войны», а выходцы из зарубежных диаспор не сумели сдвинуть «старую гвардию» (как это случилось в странах Балтии, например). В-четвертых, новые императивы венгерской внешней политики лежали буквально на поверхности, будучи высвобожденными из-под спуда коммунистической идеологии «трианонским» синдромом, который болезненно переживало общество в это время, а его фантомные боли периодически ощущаются до сих пор [28, р. 316]. По Трианонскому договору 1920 г. Венгрия потеряла Трансильванию, Банат, Бачку, Хорватию, Сло-

вакию, Карпатскую Русь и Бургенланд. В результате Венских арбитражей 1938 и 1940 гг. Венгрия возвратила южные районы Словакии, Карпатскую Русь и Северную Трансильванию. Решением Потсдамской конференции 1945 г. результаты Венских арбитражей были аннулированы. За пределами Венгрии остались значительные венгерские диаспоры. «Пока в странах, где проживает значительное венгерское меньшинство, конституционные гарантии прав меньшинств останутся не сформулированными, венгерское правительство видит мало возможностей для подлинно дружественных отношений с ними», – провозглашал в свое время министр иностранных дел Венгрии Г. Йесенски [25; 26, р. 5]. Директор Женевского центра геополитических исследований Дьюла Чургай считает, что международные отношения сегодня по-прежнему определяются демографической, географической, исторической, культурной и национальной идентичностью. Борьба за идентичность в условиях (де)глобализации приводит к нарастанию противоречий, а внешним диаспорам принадлежит решающая роль в формировании образа внешней политики государства по отношению к своим ближайшим соседям. Для Венгрии такая постановка вопроса не может утратить актуальности [18, р. 169].

Следующий период (1994–2004 гг.) можно назвать временем *евроатлантического романтизма*. Несмотря на двойную смену у власти Венгерской социалистической партии (ВСП) и Альянса молодых демократов – Венгерской гражданской партии (ФИДЕС): в 1998 г. социалисты потерпели поражение на парламентских выборах после провала политики жесткой экономии – «план Бокроша», а первое правительство Виктора Орбана (ФИДЕС) пало в 2002 г. после того как на выборах правящая коалиция не смогла добыть необходимого числа мест в парламенте, а оппозиция организовала кампанию по обвинению премьера в коррупции, попытках ограничить власть парламента и оказать давление на журналистов, внешнеполитический курс сохранил преемственность [19]. Министры Ласло Ковач (в 1994–1998, 2002–2004 гг.) и Янош Мартони (в 1998–2002 гг.), представлявшие разные политические силы, акцентируя внимание на отдельных направле-

ниях, добились реализации программы евроатлантической интеграции. В 1994 г. Венгрия получила статус страны-кандидата, в 1999 г. стала членом НАТО (несмотря на то что по Парижскому договору 1947 г. были установлены ограничения численности венгерской армии, не преодоленные до сих пор), а в 2004 г. – полноправным членом ЕС. Здесь стоит отметить, что интеграционный референдум, прошедший в 2003 г., выявил определенный потенциал евроскептицизма. В Венгрии на референдум пришло 46 % избирателей. Он был признан состоявшимся, поскольку на тот момент закон не устанавливал обязательного кворума. Сразу после вступления в силу Афинских соглашений о расширении ЕС в Венгрии поддержка европейской идеи стала неуклонно снижаться. Всплески еврооптимизма наблюдаются лишь в периоды обострения внутриполитической борьбы и мало связаны с интеграционными успехами [8, с. 71–72].

Шестилетний отрезок (2004–2010 гг.) после вступления Венгрии в ЕС характеризуется поиском *регионального равновесия*. Министры Ференц Шомоди (2004–2006 гг.), Кинга Генц (2006–2009 гг.) и Петер Балаш (2009–2010 гг.), каждый по-своему, но в целом последовательно обращали внимание и направляли усилия дипломатического корпуса не только на решение задач в евроатлантических структурах, но и в отношениях со странами-соседями и партнерами по Вишеградской группе (V4) [32]. Казалось, что со вступлением всех четырех стран (Польши, Чехии, Словакии и Венгрии) отпала необходимость в координации евроинтеграционных усилий стран V4, однако Кромержизская декларация 2004 г. сместила акцент на межгосударственное сотрудничество стран Центрально-Восточной Европы внутри ЕС с целью коллективного продвижения общих региональных интересов [10]. Усилиями венгерских дипломатов в основном удалось урегулировать вопросы защиты прав соотечественников за рубежом в соответствии с законом «О венграх, проживающих в соседних странах», который был принят еще в 2001 г. без учета его международно-политических последствий. «Хотя правительство Венгрии никогда не предъявляло к соседям никаких территориальных претензий, во внешнеполитической доктрине страны обнаружи-

ваются существенные изменения именно под влиянием такой исторической позиции, выражающейся в основном в распространении гражданских предпочтений на лиц венгерской национальности, проживающих за пределами Венгрии» [9, с. 388–389]. В 2010 г. было создано самостоятельное министерство по делам зарубежных венгров в структуре национального правительства, либерализовано законодательство о гражданстве. «Будапешт поддерживает так называемую двунаправленную интеграцию венгерских общин, и это в идеале подразумевает сохранение этнических венгров в местах их нынешнего проживания, а также их полноценное участие в жизни государств, гражданами которых они являются, при одновременном укреплении собственной национально-культурной идентичности, сознания принадлежности к единой венгерской нации» [5, с. 129]. Одним из заметных акцентов венгерской внешней политики стало содействие евроатлантической интеграции Западных Балкан, в частности Хорватии. В этот же период объем торговли с Россией достигает (2006 г.), а затем за короткое время превышает показатели 1990 года. Заметно улучшился политический фон российско-венгерских отношений. Одновременно с этим Венгрия проявляет интерес к диверсификации поставок энергоресурсов, в частности к проекту газопровода «Набукко». Таким образом, в 2006–2010 гг. сохраняется определенная преемственность в приоритетности евроатлантического курса, вместе с тем просматриваются контуры международно-региональной политики Венгрии, формируются основы многовекторности [11].

После победы ФИДЕС на парламентских выборах 2010 г. и формирования правительства Виктором Орбаном начался нынешний период эволюции внешней политики Венгрии. Наиболее существенными характеристиками этого этапа, без сомнения, следует назвать евроскептицизм и политику открытости на Восток. Евроскептицизм – вполне понятный результат неэффективной политики правительства в 2004–2010 гг. по использованию средств еврофондов. Отставание в темпах социально-экономического развития Венгрии по сравнению с соседями по V4 стало слишком заметным (не только в статистических отчетах, но и в реальном уровне жизни

граждан), а ресурсы дальнейшей либерализации экономики при ослабевающих социальных гарантиях оказались исчерпанными. Бывший министр финансов Ласло Чаба в качестве обоснования «прагматического евроскептицизма» нынешнего венгерского правительства последовательно критикует перспективы банковского и фискального союза внутри ЕС, который в отличие от формирования общего рынка товаров, услуг и капиталов несет для Венгрии значительные риски утраты суверенных инструментов налоговой и денежной политики [17, p. 15].

В свою очередь, политика открытости на Восток была провозглашена как реакция на последствия экономического кризиса 2008–2009 гг., как вариант их преодоления. Основная задача стратегии – максимально облегчить расширение венгерского экспорта. З. Биро к достижениям политики ФИДЕС относит многовекторность внешней политики. Программа «Открытие на Восток» предусматривает не только перезагрузку отношений с Россией, но и развитие многосторонних связей Венгрии с Китаем, Индией, Японией, что раньше не просматривалось во внешнеполитическом курсе страны. С 2015 г. стратегия открытия Востоку была дополнена так называемой внешнеэкономической стратегией «Открытости Югу», которая в основном ориентирована на укрепление экономических отношений в Африке и Латинской Америке. До того все 20 лет после развала СССР в центре внимания находился только Евросоюз [2, с. 237]. Не вполне верно, что венгерский евроскептицизм и истернизация во внешней политике имеют исключительно идейно-политическую основу, связанную с национал-консервативными убеждениями действующего премьер-министра или установками правящей партии. Вспомним, что Виктор Орбан начинал политическую карьеру как убежденный сторонник либеральных идей, разделял устремление большинства венгров к интеграции в ЕС и НАТО, был последовательным критиком социалистической альтернативы развития страны [30]. «Путь вправо» прошел не только В. Орбан и ФИДЕС, перехватывая националистическую риторику у крайне правых, но и заметная часть венгерского общества, ожидания которой от многолетней либеральной

экономической политики и евроинтеграции не вполне оправдались. М. Варга полагает, что диверсификация направленности внешней политики Венгрии – это во многом тактическое решение, которое имеет шансы стать стратегическим выбором, если покажет свою эффективность [33, с. 214]. Нужно признать, что до начала острой фазы вооруженного российско-украинского конфликта на межгосударственном уровне многовекторность внешней политики Венгрии показывала относительно низкую эффективность, снижалась ее легитимность, да и нет никаких гарантий, что хотя бы в среднесрочной перспективе в период постконфликтного урегулирования она сможет показывать такие же результаты, что и в условиях эскалации. Вместе с тем на нынешнем этапе такая политика венгерского правительства воспринимается большинством граждан как прагматичная, хотя и небезупречная [3]. По мнению А. Бернек, успех венгерской политики открытости Востоку зависит не только от характера отношений между ЕС, США и Китаем, но и от способности консолидации интересов стран Центрально-Восточной Европы. «В нынешнюю эпоху “деглобализации”, в эпоху роста крупных регионов, укрепление Вишеградского сотрудничества и создание новых инфраструктурных коридоров Север – Юг для восточно-центральноевропейской экономической мощи было бы подходящей основой для объявления внешнеполитического курса, который значительно более суверенен, чем нынешний» [14, p. 142]. Несмотря на то что миграционный кризис, пандемия, российско-украинский вооруженный конфликт продемонстрировали востребованность механизмов Вишеградского сотрудничества, внутри группы стран нарастают противоречия по вопросам социально-экономического взаимодействия, что неминуемо приведет к очередному пересмотру общих целеполаганий регионального объединения [22].

В венгерской геополитической литературе и во внешнеполитическом дискурсе на протяжении десятилетия популярны сюжеты «евразийской дуги» или «оси Берлин – Москва – Пекин», места Венгрии в новых координатах формирующегося многополярного мироустройства. Обсуждаются роли Будапешта в качестве «моста», «посредника», «торгового

агента», «западной окраины Турана», «оплота Европы перед лицом Евразии», но не самостоятельного игрока. Часто понятие «неопределенность» будущего мироустройства – единственная константа в таких рассуждениях [14; 20; 24; 31].

В отношении США и НАТО политика венгерского правительства остается последовательной и союзнической. Если сейчас официальный Будапешт отказывается от поставок оружия, предоставления своей территории для транзита военных грузов для Украины, от обучения украинских военнослужащих в Венгрии, то в условиях непосредственной угрозы безопасности страны правительство, безусловно, выполнит свои союзнические обязательства, как делало это прежде – в югославском, косовском, афганском или иракском конфликтах. Венгрия через государственные и общественные структуры оказывает гуманитарную помощь Украине, принимает и размещает беженцев, последовательно выступает за сохранение суверенитета и территориальной целостности этой страны. Вместе с тем министр иностранных дел Петер Сийярто лаконично и ясно выразил отношение венгерского правительства к разворачивающемуся конфликту: «Это не наша война, мы хотим и будем держаться подальше от нее» [21].

Постановление о реализации Стратегии международного сотрудничества в целях развития на период с 2020 по 2025 г. прямо предписывает министру иностранных дел руководствоваться приоритетами внешней торговли при организации мероприятий международного сотрудничества [13]. Такой сугубый экономизм и прагматизм является характерной чертой нынешнего внешнеполитического курса официального Будапешта. Однако нельзя утверждать, что чисто политические или идейные мотивы поведения Венгрии на международной арене не играют никакой роли. К примеру, в диалоге с институтами ЕС по вопросам семейного права, деятельности НКО или организации правосудия правительство Венгрии отказывается от выгод материального характера в пользу непоколебимости идейных установок. Риски политики открытости на Восток связаны с особенностями двусторонних отношений со странами-адресатами и реакцией партнеров по ЕС. Главными адреса-

тами «восточной политики» Венгрии выступают Турция, Россия, Китай, а также страны постсоветского пространства. На двустороннем треке отношений возникают определенные трудности реализации более или менее долгосрочных проектов сотрудничества. Правила экономической конкуренции, налоговые нормы и порядок финансовой отчетности часто оказываются непреодолимыми барьерами. Кроме того, и для Венгрии, и для Турции, например, характерны короткие периоды бурного экономического роста и длительные периоды стагнации, высокая зависимость экспортоориентированных экономик от экстернальных факторов и иностранного инвестиционного капитала. Несовпадение по времени и высокая волатильность рынков ограничивает возможности венгеро-турецкого экономического сотрудничества. Во взаимодействии с китайскими партнерами возникают другие риски – например, увода инвестиций. Так, в модернизации железнодорожной магистрали Будапешт – Белград участвует на правах младшего партнера только одна венгерская компания, большинство субподрядов получили китайские фирмы [15]. На постсоветском пространстве свои сложности, часто связанные с завышенными ожиданиями отдачи и рентабельности для местного бизнеса. Важно отметить, что Венгрия стремится избежать политического обременения, косвенных обязательств, которые ограничивали бы многовекторность международной деятельности [34].

В отношениях с Российской Федерацией это проявляется особенно заметно. Л.Н. Шиселина выделяет два этапа в эволюции российско-венгерских отношений. «Этап их разрушения, начавшийся со второй половины 1980-х гг. и постепенно перешедший в стагнацию середины и второй половины 1990-х гг.; и этап восстановления, открытый со вступлением в новый век, обретением международного опыта, относительной определенностью, достигнутой во внутренней политике» [12, с. 9]. Не подвергая сомнению обоснованность такого деления на этапы, подчеркнем, что отношения с Россией ни на одном из них не оказывали существенного влияния на эволюционный трек международной политики современной Венгрии, всегда встраивались в ши-

рокий смысловой контекст продвижения интересов Будапешта на мировой арене. Характеризуя развитие российско-венгерских отношений в нынешний период (с 2010 г.), нетрудно заметить сохраняющийся взаимный интерес к реализации крупных инфраструктурных проектов.

Интенсивность политических контактов между двумя странами на высшем уровне за последние несколько лет заметно выросла по сравнению с периодом евроатлантического романтизма венгерской внешней политики. Президент России посещал Венгрию с официальными и рабочими визитами в 2006, 2015, 2017 и 2019 гг., премьер-министр Венгрии находился в России с официальными и рабочими визитами в 2010, 2013, 2014, 2016, 2018 и 2022 годах. Стоит отметить, что большой вклад в развитие отношений с Россией внес министр Янош Мартони (в 2010–2014 гг.), продолжает эту линию Петер Сийярто (с 2014 г.).

Наиболее значимым является сотрудничество в энергетической сфере, касающееся поставок российских нефти и газа, а также развития венгерской атомной отрасли. В 2016 г. было подписано соглашение между ПАО «Транснефть» и крупнейшей венгерской нефтегазовой компанией «МОЛ» о сотрудничестве при эксплуатации магистральных нефтепроводов. В 2021 г. в Венгрию поставлено 3,41 млн т нефтепродуктов. Доля российской нефти на венгерском рынке составляет 55 % [16]. Кроме того, концерн «МОЛ» обладает правами на разработку Байтуганского нефтяного месторождения. В 2021 г. между ООО «Газпром экспорт» и венгерской электроэнергетической компанией «МВМ» были заключены контракты на поставку газа в Венгрию сроком до 2036 года. Соглашения предусматривают поставку 4,5 млрд куб. м газа в год, из них 3,5 млрд куб. м будут поступать через Сербию по «Турецкому потоку» и 1 млрд куб. м – через Австрию. Несмотря на то что газовые потребности Венгрии год от года сокращаются, доля российского газа на венгерском рынке составляет 82 % [23]. Заинтересованность Венгрии в гарантированном получении трубопроводного газа в полной мере проявилась на переговорах с Европейской комиссией по вопросу о присоединении Будапешта к антироссийским энергетическим санкци-

ям. Высокая зависимость страны от трубопроводных поставок из России и ее слабые возможности по диверсификации снабжения стали важными для Венгрии (при солидарной позиции Австрии) аргументами против включения газовых ограничений в рамках так называемого седьмого пакета.

В соответствии с межправительственным соглашением, заключенным в 2014 г., Госкорпорация «Росатом» реализует проект по увеличению мощности АЭС «Пакш», включая проектирование, сооружение и ввод в эксплуатацию двух новых энергоблоков. Проект имеет давнюю историю, поскольку советскими специалистами сооружение первого реактора началось еще в 1974 г., а в 1983 г. состоялся его запуск. Советские, а затем российские специалисты не прекращали техническое сопровождение работы АЭС, на регулярной основе осуществлялось изъятие, хранение и транспортировка отработанного ядерного топлива. Ныне реализуемый проект стоимостью 14,7 млрд долл. стал логичным продолжением двухстороннего сотрудничества. В 2021 г. Российская Федерация пошла на изменение для Венгрии условий использования государственного кредита (выделенного в 2014 г.) со сроком начала погашения в 2031 г. (вместо 2026 г.) без изменения срока проведения всех платежей в 2046 году [4]. При этом два новых энергоблока должны быть запущены в эксплуатацию в 2026 и 2027 гг., однако, поскольку подготовительные работы начались лишь осенью 2022 г., можно предположить, что завершение строительства будет перенесено на более поздний срок.

Контакты с Венгрией поддерживают около половины субъектов Российской Федерации. Минюстом России зарегистрированы межрегиональные соглашения, подписанные администрациями Республики Коми, Московской, Самарской, Челябинской областей, Ханты-Мансийского автономного округа с венгерскими областями, и «диагональные» соглашения администраций Республики Башкортостан, Калужской, Курской, Ленинградской, Омской, Свердловской, Челябинской областей с отраслевым министерством Венгрии. Примечательно, что в 1990-е гг. Венгрия стремилась к установлению связей с близкими в этнокультурном отношении регионами России, ныне ее интересуют сильные с

экономической точки зрения субъекты Российской Федерации. Примерами успешного регионального сотрудничества в экономической сфере можно назвать проект создания ПАО «Татнефть» и «МОЛ» в г. Нижнекамске совместно битумного производства с выпуском резино-модифицированного битума, а также работы дочернего предприятия фармацевтической компании «Гедеон Рихтер» в Егорьевском районе Московской области.

Нельзя сказать, что региональное сотрудничество сегодня является флагманом российско-венгерских отношений. Вместе с тем развивается инфраструктура сотрудничества. Так, функционируют генеральные консульства Венгрии в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Казани, а также генеральное консульство России в Дебрецене. У российских и венгерских регионов есть значительный потенциал сотрудничества в социогуманитарной сфере, в частности, в области науки и образования. В 2018 г. истек срок российско-венгерского соглашения о сотрудничестве в области высшего образования, ведется подготовка нового соглашения. Наиболее востребованными у венгерских студентов являются Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова и Казанский (Приволжский) федеральный университет. При участии фонда «Русский мир» в университетах им. Л. Этвеша (Будапешт), им. Я. Паннониуса (Печ) и им. Лайоша Кошута (Дебрецен) открыты «русские кабинеты». В университетах Санкт-Петербурга, Ханты-Мансийска, Йошкар-Олы, Саранска, Ижевска, Сыктывкара, Петрозаводска и Екатеринбурга созданы «венгерские пункты», призванные содействовать культурно-языковому обмену, популяризации венгерского языка.

Совокупность фактов и событийное содержание межгосударственных контактов позволяет в целом охарактеризовать нынешнее состояние российско-венгерских отношений как удовлетворительное, развивающееся поступательно, однако с явной тенденцией к инерционному замедлению. Значительными вызовами российско-венгерского сотрудничества в экономической, политической и социогуманитар-

ной сферах представляются не только сверхдолгосрочные факторы, такие как членство обеих стран в разных военно-политических блоках и интеграционных объединениях, но и менее долговременные обстоятельства. Среди таковых следует указать на отсутствие диалога по вопросам общего исторического прошлого, несмотря на то что опыт такого взаимодействия существует. По всей видимости, пауза-игнорирование имеет смысл в условиях геополитической турбулентности, однако в перспективе возобновление диалога должно стать триггером интенсификации контактов социогуманитарного характера, что, в свою очередь, способствует укреплению двусторонних отношений в целом. Также важным обстоятельством выступает разность позиций стран по проблемам кризиса вокруг Украины. Российской Федерацией Венгрия внесена в перечень недружественных стран и территорий [7], что ограничивает возможности сохранения и, тем более, расширения номенклатуры отраслей и тем сотрудничества. В политической сфере российско-венгерский диалог может получить новый импульс только в период постконфликтного урегулирования. Как представляется, наиболее перспективными направлениями российско-венгерских отношений в среднесрочном плане являются реализация крупных инфраструктурных проектов большой капиталоемкости, а также региональное сотрудничество, увеличивающее контактность органов публичной власти, отраслевых бизнес-сообществ, научных и образовательных организаций, что существенно влияет на формирование позитивного образа отношений между Россией и Венгрией.

Результаты. Рассуждая о путях дальнейшей международно-политической эволюции Венгрии, стоит принять во внимание то, что политика открытости на Восток исчерпаема. Ее предел лежит в достижении эффективного взаимодействия в торгово-экономической и инвестиционной сферах, которое не обременяло бы Венгрию дополнительными обязательствами политического характера. Важно уяснить, что истернизация венгерской международной политики не является противовесом Западу, поскольку ни Китай, ни Россия, ни Турция, ни одна из стран постсоветского пространства в среднесрочной перспективе неспособны заместить объем торгово-

экономических связей с США и странами ЕС, не говоря о политических отношениях, где Венгрия не безоговорочно, но все же следует в фарватере курса Североатлантического полюса мировой политики, хотя бы отчасти отождествляя себя с ним. Конечно, учитывая исторический опыт, многое в эволюции венгерской внешней политики зависит от сохранения макрополитической стабильности внутри страны, существенных угроз которой сейчас не просматривается. По всей видимости, по мере исчерпания политики открытости на Восток, венгерские интеллектуалы-международники и политики-практики сформулируют суть и дадут обоснование необходимости в начале новой расстановки акцентов, а затем корректировки курса, и, наконец, смены вектора международной политики официального Будапешта. При этом нет оснований прогнозировать существенное отдаление страны от США, ЕС и НАТО. Одним из наиболее вероятных сценариев представляется выстраивание конфигурации венгерской внешней политики концентрическими кругами, где в первом круге будут расположены США, Великобритания, страны ЕС, другие партнеры по НАТО, а также весомые международные организации; во втором – страны-соседи и государства Центральной и Юго-Восточной Европы, где важной представляется роль Венгрии в содействии европейской интеграции Украины и Сербии (в отличие от натовского трека); в третьем – ключевые страны Востока (Турция, Россия, Китай), возможно, наиболее успешные партнеры на постсоветском пространстве, Япония, Республика Корея, Израиль и Индия; в четвертом – остальные страны Азии, Латинской Америки и, возможно, Австралия; в пятом – глубокая периферия интересов Венгрии – Африка, за исключением Египта, Эфиопии и ЮАР, которые могут занять более высокое место в силу их большего потенциала международного сотрудничества в отдельных секторах экономики и социального партнерства. Безусловно, этот сценарий не является безальтернативным, такая модель будущего образа венгерской внешней политики не может возникнуть вдруг без сформированной потребности. Вместе с тем существующие ныне тенденции развития и стоящие перед страной вызовы свидетельствуют о сохраняющемся ди-

намизме интеллектуальных усилий по переосмыслению места Венгрии в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балог А. Венгры-мадьяры: национальная и европейская идентичность // Центрально-Европейский ежегодник / сост. И. Киш. М.: ЛОГОС, 2003. Вып. 1. С. 225–226.
2. Биро З. «Из одной диктатуры мы попали в другую...». Тридцать лет после «смены систем». Взгляд из Будапешта. Интервью с З. Биро // Историческая экспертиза. 2020. № 1 (22). С. 224–239.
3. Вологов О. Г., Вологов С. О. Венгрия: политика лавирования между ЕС, США, Китаем и Россией // Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий 1989–2019. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 58–70. DOI: 10.31168/2712–8342.2021.2.5
4. Госдума ратифицировала протокол к соглашению о госкредите Венгрии на строительство АЭС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13020147>
5. Коптелова И. Е. «Мягкая сила» как ресурс внешней политики Венгрии при работе с соотечественниками // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. М.: МГЛУ, 2017. С. 129–141.
6. Мусина Р. И. Трансформация внешней политики Венгрии: национализм или рационализм? // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 6–4 (37). С. 68–69.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001?index=1&rangeSize=1>
8. Тарасов И. Н. Европейское единство: испытание Востоком // Международные процессы. 2007. Т. 5, № 1 (13). С. 70–81.
9. Тарасов И. Н. Политические институты и практики посткоммунизма в Центрально-Восточной Европе. Саратов: Изд-во Саратов. гос. соц.-экон. ун-та, 2009. 456 с.
10. Четверикова А. С. Вишеградская «четверка» в периоды кризисов // Современная Европа. 2021. № 4. С. 37–46. DOI: 10.15211/soveurope420213746
11. Шишелина Л. Н. Многовекторность Восточной политики Венгрии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 1 (25). С. 35–43.
12. Шишелина Л. Н. Три десятилетия новых российско-венгерских отношений // Современная Европа. 2019. № 7 (93). С. 6–16. DOI: 10.15211/soveurope720190616
13. A Kormány 1792/2019. (XII. 23.) Korm. határozata a 2020 és 2025 közötti időszakra vonatkozó nemzetközi fejlesztési együttműködési stratégiáról // Magyar közlöny. 2019. évi 216. Szám.

14. Bernek Á. Hazánk keleti nyitás politikája és a 21. századi geopolitikai stratégiák összefüggései // *Külügyi Szemle*. 2018. № 2. o. 122–144.

15. Boros F., Bondor A. Strategic Targets of Hungarian Foreign Policy // *Medzinárodné otázky*. 2002. Vol. 11, № 4. P. 25–46.

16. Bűnbakkereső szándékkal erőltetheti az unió a kelet-európai országok orosz olajembargóba vonását. URL: <https://www.vg.hu/vilaggazdasag-magyar-gazdasag/2022/05/bunbakkereso-szandekkal-eroltetheti-az-unio-a-kelet-europai-orszagok-orosz-olajembargoba-vonasat>

17. Csaba L. Kelet-nyugati válaszfalak az EU-ban és meghaladásuk // *Külügyi Szemle*. 2019. № 2. o. 3–21.

18. Csurgai G. Geopolitical Analysis. A Multidimensional Approach to Analyze Power Rivalries in International Relations. Róma: Aracne, 2019. 208 p.

19. Dübörögnek az építőgépek a Budapest – Belgrád vasúton. URL: <https://magyarnemzet.hu/gazdasag/2022/08/duborognek-az-epitogepek-a-budapest-belgrad-vasuton>

20. Eszterhai V. Az orosz – kínai tengely az ukrajnai háború tükrében // *Külügyi Szemle*. 2022. № 2. o. 43–66.

21. Foreign Ministry Summons Ukrainian Ambassador // *MTI-Hungary Today*. 2022.04.06. URL: <https://hungarytoday.hu/foreign-ministry-summons-ukrainian-ambassador-szijjarto-war/>

22. Garai N. A cseh külpolitikai identitás és a visegrádi együttműködés // *Külügyi Szemle*. 2022. № 1. o. 35–58.

23. Góralczyk B. Polityka zagraniczna Węgiei gabinetu Viktora Orbána. Warszawa: Departament Strategii i Planowania Polityki – Ministerstwo Spraw Zagranicznych, 1998. 15 p.

24. Grüber K. “Rettegni Moszkvától”: gondolatok a Nyugat és Oroszország közötti kapcsolatokról // *Külügyi Szemle*. 2020. № 3. o. 138–144.

25. Jeszenszky G. Hungary’s Foreign Policy Dilemmas after Regaining Sovereignty // *Society and Economy*. 2007. Vol. 29, № 1. P. 43–64.

26. Jeszenszky G. On National Minorities and European Security // *Current Policy*. 1993. № 13. P. 5.

27. Kiss B., Zahorán Cs. Hungarian Domestic Policy in Foreign Policy // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. 2007. Vol. 16, № 2. P. 46–64.

28. Magyarország gazdaságtörténete a honfoglalástól a 20. század közepéig / ed.: Szerkesztő Honvári János. Budapest: AULA Kiadó, 1997. 664 o.

29. Marušiak J. Russia and the Visegrad Group – More than a Foreign Policy Issue // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. 2015. Vol. 24, № 1–2. P. 28–46.

30. Olcsó nyugati gázzal telnek a magyar tározók: csökkenhet az orosz gázfüggőség? URL: [https://www.penzcentrum.hu/gazdasag/20221027/olcso-](https://www.penzcentrum.hu/gazdasag/20221027/olcso-nyugati-gazzal-telnek-a-magyar-tarozok-csokkenhet-az-orosz-gazfuggoseg/)

[nyugati-gazzal-telnek-a-magyar-tarozok-csokkenhet-az-orosz-gazfuggoseg-1130351](https://www.penzcentrum.hu/gazdasag/20221027/olcso-nyugati-gazzal-telnek-a-magyar-tarozok-csokkenhet-az-orosz-gazfuggoseg-1130351)

31. Pesti S. Magyarország külpolitikája 2010–2020. Budapest: Gondolat Kiadó, 2021. 180 o.

32. Schmidt A. From Intermarium to the Three Seas Initiative – Regional Integrations in Central and Eastern Europe and the Hungarian Foreign Policy // *Politeja*. Księgarnia Akademicka. 2017. № 51/6. P. 165–190.

33. Varga. The Return of Economic Nationalism to East Central Europe: Right-Wing Intellectual Milieus and Anti-Liberal Resentment // *Nations and Nationalism*. 2021. Vol. 27, № 1. P. 206–222.

34. Végh Z. Hungary’s “Eastern Opening” Policy Toward Russia: Ties that Bind? // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. 2015. Vol. 24, № 1–2. P. 47–65.

REFERENCES

1. Balog A. Vengry-madjary: nacionalnaja i evropejskaja identičnost [Hungarians-Magyars: National and European Identity]. Kish I., ed. *Centralno-Evropejskij ezhegodnik* [Central European Yearbook]. Moscow, LOGOS Publ., 2003, iss. 1, pp. 225–226.

2. Biro Z. «Iz odnoj diktatury my popali v druguju...». Tridcat let posle «smeny sistemy». Vzgljad iz Budapeshta. Intervju s Z. Biro [“From One Dictatorship We Went to Another...” Thirty Years After the “Change of System.” View from Budapest. Interview with Z. Biró]. *Istoricheskaja ekspertiza* [Historical Expertise], 2020, no. 1 (22), pp. 224–239.

3. Volotov O.G., Volotov S.O. Vengrija: politika lavirovanija mezhdu ES, SShA, Kitaem i Rossiej [Hungary: The Policy of Maneuvering Between the EU, USA, China, and Russia]. *Transformacionnye revoljucii v stranah Centralnoj i Jugo-Vostočnoj Evropy. K 30-letiju sobytij 1989–2019* [Transformational Revolutions in the Countries of Central and South-Eastern Europe on Their Thirtieth Anniversary. 1989–2019]. Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2021, pp. 58–70. DOI: 10.31168/2712-8342.2021.2.5

4. *Gosduma ratificirovala protokol k soglasheniju o goskredite Vengrii na stroitelstvo AES* [The State Duma Ratified the Protocol to the Agreement on the State Loan of Hungary for the Construction of Nuclear Power Plants]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13020147>

5. Koptelova I.E. «Mjagkaja sila» kak resurs vneshnej politiki Vengrii pri rabote s sootčestvennikami [“Soft Power” as a Resource of Hungarian Foreign Policy When Working with Compatriots]. *Strategija «mjagkoj sily» v kontekste informacionnyh vojn* [Soft Power Strategy in the Context of Information Wars]. Moscow, MGLU, 2017, pp. 129–141.

6. Musina R.I. Transformacija vneshnej politiki Vengrii: nacionalizm ili racionalizm? [The Transformation of Hungary's Foreign Policy: Nationalism or Rationalism?]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal], 2015, no. 6-4 (37), pp. 68-69.
7. *Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 05.03.2022 № 430-r* [Order of the Government of the Russian Federation Dated 05.03.2022 No. 430-r]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001?index=1&rangeSize=1>
8. Tarasov I.N. Evropejskoe edinstvo: ispytanie Vostokom [European Unity: The Test of the East]. *Mezhdunarodnye processy* [International Trends], 2007, vol. 5, no. 1 (13), pp. 70-81.
9. Tarasov I.N. *Politicheskie instituty i praktiki postkommunizma v Centralno-Vostochnoj Evrope* [Political Institutions and Practices of Post-Communism in Central and Eastern Europe]. Saratov, Izd-vo Sarat. gos. sots.-ekon. un-ta, 2009. 456 p.
10. Chetverikova A.S. Visegradskaja «chetverka» v periody krizisov [The Visegrad Four in Times of Crisis]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe], 2021, no. 4, pp. 37-46. DOI: 10.15211/soveurope420213746
11. Shishelina L.N. Mnogovektornost Vostochnoj politiki Vengrii [Multi-Vector Nature of Hungary's Eastern Policy]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS], 2022, no. 1 (25), pp. 35-43.
12. Shishelina L.N. Tri desjatiletija novyh rossijsko-vengerskih otnoshenij [Three Decades of New Russian-Hungarian Relations]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe], 2019, no. 7 (93), pp. 6-16. DOI: 10.15211/soveurope720190616
13. A Kormány 1792/2019. (XII. 23.) Korm. határozata a 2020 és 2025 közötti időszakra vonatkozó nemzetközi fejlesztési együttműködési stratégiáról. *Magyar közlöny*, 2019, évi 216, Szám.
14. Bernek Á. Hazánk keleti nyitás politikája és a 21. századi geopolitikai stratégiák összefüggései. *Külgügyi Szemle*, 2018, no. 2, pp. 122-144.
15. Boros F., Bondor A. Strategic Targets of Hungarian Foreign Policy. *Medzinárodné otázky*, 2002, vol. 11, no. 4, pp. 25-46.
16. *Bűnbakkereső szándékkal erőltetheti az unió a kelet-európai országok orosz olajembargóba vonását*. URL: <https://www.vg.hu/vilaggazdasag-magyar-gazdasag/2022/05/bunbakkereso-szandekkal-eroltetheti-az-unio-a-kelet-europai-orosz-olajembargoba-vonasat>
17. Csaba L. Kelet-nyugati válaszfalak az EU-ban és meghaladásuk. *Külgügyi Szemle*, 2019, no. 2, o. 3-21.
18. Csurgái G. *Geopolitical Analysis. A Multi-dimensional Approach to Analyze Power Rivalries in International Relations*. Róma, Aracne, 2019. 208 p.
19. *Dübörögnek az építőgépek a Budapest – Belgrád vasúton*. URL: <https://magyarnemzet.hu/gazdasag/2022/08/duborognek-az-epitogepek-a-budapest-belgrad-vasuton>
20. Eszterhai V. Az orosz – kínai tengely az ukrajnai háború tükrében. *Külgügyi Szemle*, 2022, no. 2, pp. 43-66.
21. Foreign Ministry Summons Ukrainian Ambassador. *MTI-Hungary Today*, 2022.04.06. URL: <https://hungarytoday.hu/foreign-ministry-summons-ukrainian-ambassador-szijasarto-war/>
22. Garai N. A cseh külpolitikai identitás és a visegrádi együttműködés. *Külgügyi Szemle*, 2022, no. 1, pp. 35-58.
23. Góralczyk B. *Polityka zagraniczna Węgier gabinetu Viktora Orbána*. Warszawa, Departament Strategii i Planowania Polityki – Ministerstwo Spraw Zagranicznych, 1998. 15 p.
24. Grúber K. “Rettegni Moszkvától”: gondolatok a Nyugat és Oroszország közötti kapcsolatokról. *Külgügyi Szemle*, 2020, no. 3, o. 138-144.
25. Jeszenszky G. Hungary's Foreign Policy Dilemmas After Regaining Sovereignty. *Society and Economy*, 2007, vol. 29, no. 1, pp. 43-64.
26. Jeszenszky G. On National Minorities and European Security. *Current Policy*, 1993, no. 13, p. 5.
27. Kiss B., Zahorán Cs. Hungarian Domestic Policy in Foreign Policy. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 2007, vol. 16, no. 2, pp. 46-64.
28. Szerkesztő Honvári János, ed. *Magyarország gazdaságtörténete a honfoglalástól a 20. század közepéig* [Economic History of Hungary from the Hungarian Conquest to the Middle of the 20th Century]. Budapest, AULA Kiadó, 1997. 664 o.
29. Marušiak J. Russia and the Visegrad Group – More than a Foreign Policy Issue. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 2015, vol. 24, no. 1-2, pp. 28-46.
30. *Olcsó nyugati gázzal telnek a magyar tározók: csökkenhet az orosz gázfüggőség?* URL: <https://www.penzcentrum.hu/gazdasag/20221027/olcsonyugati-gazzal-telnek-a-magyar-tarozok-csokkenhet-az-orosz-gazfuggoseg-1130351>
31. Pesti S. *Magyarország külpolitikája 2010–2020*. Budapest, Gondolat Kiadó, 2021. 180 p.
32. Schmidt A. From Intermarium to the Three Seas Initiative – Regional Integrations in Central and Eastern Europe and the Hungarian Foreign Policy. *Politeja. Księgarnia Akademicka*, 2017, no. 51/6, pp. 165-190.
33. Varga. The Return of Economic Nationalism to East Central Europe: Right-Wing Intellectual Milieus and Anti-Liberal Resentment. *Nations and Nationalism*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 206-222.
34. Végh Z. Hungary's “Eastern Opening” Policy Toward Russia: Ties that Bind? *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 2015, vol. 24, no. 1-2, pp. 47-65.

Information About the Author

Иа N. Tarasov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Institute for Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St, 14, 236016 Kaliningrad, Russian Federation, ITarasov@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7698-709X>

Информация об авторе

Илья Николаевич Тарасов, доктор политических наук, профессор, Институт образования и гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. А. Невского, 14, 236016 г. Калининград, Российская Федерация, ITarasov@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7698-709X>